

Александр Барков

Сквозь дым летучий

Исторические рассказы

Александр Барков

Сквозь дым летучий

«ИТРК»

Барков А. С.

Сквозь дым летучий / А. С. Барков — «ИТРК»,
— (Исторические рассказы)

«... Испытанный в баталиях под командованием великого Суворова, Багратион предчувствовал, что солдаты его и на сей раз не подведут. „Французы палят потому лишь, что так им приказал господин император, а дух их уже, поди, не тот, что был прежде“, – отметил князь и прошептал любимое суворовское: „Пуля – дура, штык – молодец!“ Он сел на коня и поскакал к войскам своим:– Вперед, братцы! В штыки! Ура-а-а! ...»

Содержание

Александр Барков	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Барков Сквозь дым летучий

*Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековой славы,
И шум оружия, и сечи, борьбу!*

Денис Давыдов

Русская армия отступала к Бородину...

Угасало лето, напоенное золотым отсветом и терпким духом березовой листвы. Бородино, пока что тихо шелестящее травами и безвестное, и столь знаменитое вскорости, 24–26 августа 1812 года, располагалось в ста верстах от Москвы и в двенадцати к северо-западу от Можайска. Бородино походило на бескрайнее поле, то вздымающееся кое-где отлогими желтеющими поверху холмами, то опадающее низинами и проваливающееся темными оврагами, ямами. Его пересекали речки Колоча, Войня, Стонец, Огник и бесчисленные ручьи, возглашающие своими названиями, что в прежние времена ратники русские здесь стояли не на живот, а на смерть: колотились, палили огнем и стонали от ран... И над всей этой покойной, отрешенной до поры от ада смертельного побоища российской землей распростерся громадный бледновасильковый небесный свод.

Кутузов осматривал местность в поисках опорной позиции для генерального сражения и выбрал наконец большое, с древними священными курганами и крутизнами, поле у Бородина. Русская армия прикрывала здесь Новую и Старую Смоленскую дороги, имевшие важное стратегическое значение, ибо обе они вели к Москве.

Низкий и оголенный левый фланг – наиболее уязвимый участок грядущей битвы – главнокомандующий решил укрепить «искусством» и вручил «дирижерскую палочку» храброму и мудрому полководцу суворовской выучки князю Багратиону.

Кутузов прищепил на кургане белого приземистого коня и задумался... Он велел позвать штабного капитана инженерных войск Грибова.

– Голубчик! – Любезно обратился к нему Михаил Илларионович. – Нельзя ли поставить в лесах, в глубине позиции, часть солдат скрытно от французов? Когда неприятель употребит в дело последние силы свои на левое крыло, я пушу ему резервы во фланг и тыл.

После обследования местности капитан Грибов доложил Кутузову:

– Ваша светлость! Местоположение чрезвычайно благоприятствует задуманной операции...

На левом крыле, в Утицком бору, стали в засаде корпус пехоты генерала Тучкова 1-го, построенный в четыре линии, и семитысячный отряд Московского ополчения, который привел из столицы граф Марков.

На плане русской позиции при Бородине, оцениваемой Кутузовым «одной из наилучших, которую только на плоских местах найти можно», на участке возле деревни Утицы, где схоронились в бору пехотинцы Тучкова и московские ополченцы, прикрытые от врага курганом, он пометил карандашом: «расположение скрытно».

В двух верстах от Семеновских флешей, в верховьях ручья Чубаровского, лепилась деревенька Шевардино. Юго-восточнее этой деревеньки Кутузов приказал соорудить на Доронинском кургане крепкое земляное артиллерийское укрепление для ведения круговой обороны – пятиугольный редут, рассчитанный на двенадцать пушек. Редут этот явился как бы аванпостом, выдвинутым далеко вперед за основные позиции. Он стоял, как штык, на пути неприятеля, чтобы задержать его наступление на левый фланг: тем самым выигрывалось время и давалась возможность солдатам завершить строительство флешей у главной позиции.

Передохнув от длительной езды на коне за время тщательного осмотра бородинских укреплений, фельдмаршал отдал 24 августа письменный приказ войскам, свою знаменитую диспозицию, перед сражением: «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность господ главнокомандующих армиями и потому представляю им делать соображения действий на поражение неприятеля. Возлагаю все упование на помощь Всесильного и на храбрость и неустрашимость российских воинов. При счастливом отпоре неприятельских сил, дам собственные повеления на преследование его, для чего и ожидать буду беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом...»

Следуя суворовским традициям, Кутузов считал, что негоже излишне «опекать» подчиненных. По его разумению, успех сражения будет зависеть от ратного опыта начальников и доблести солдат. За собой же он оставлял высшее руководство и вмешательство лишь в том случае, когда французы дрогнут и свершится перелом боя.

На Шевардинском редуте еще полным ходом кипели работы, а защитникам его под командованием генерал-лейтенанта князя Горчакова пришлось уже выдержать жаркую сшибку с кавалерийским корпусом маршала Понятовского, занимавшего прежде высокий пост военного министра покоренного Наполеоном Герцогства Варшавского.

Сшибка у Колоцкого монастыря переросла в упорную многочасовую осаду. Глухие, тяжелые орудийные раскаты сотрясали землю и заглушали трескотню ружей. Клубы едкого порохового дыма стлались по ложине, точно непроглядный утренний туман. Клубящимся дымом заволакивало поля, овраги, укрепления... И в этом неистребимом сизом дыму двигались и сталкивались на штыках, то расходясь, то сближаясь, колонны наших и неприятельских войск. Синяя стена французских мундиров не на жизнь, а на смерть сошлась здесь с темной стеной русских. Враг неудержимо рвался вперед, намереваясь взять редут приступом.

В сумерках французы нанесли удар по Шевардину с тыла и с фронта превосходящими силами... Терпящих урон солдат Горчакова поддерживали полки кирасир во главе с князем Голицыным и пехота генерала Неверовского.

Под градом картечи кирасирам и пехотинцам удалось выбить неприятеля с Доронинского кургана. Однако французы продолжали отчаянно штурмовать редут, но всем чертям назло Шевардино и лесок на левом фланге оставались за нами.

Наблюдая за редущими с каждым часом защитниками редута, Багратион дважды посылал к Горчакову адъютантов с предложением оставить позиции.

Вестовые доложили Кутузову: «Ваша светлость! На правый берег Колочи переправилось большое число пехоты и кавалерии неприятеля. А на Старой Смоленской дороге сосредоточились корпуса драгун...» Во избежание бесполезного кровопролития главнокомандующий, находившийся со своим штабом вблизи поля сражения, приказал князю Горчакову покинуть ночью укрепления и немедленно отвести войска на главные позиции, к Семеновским флешам. Лес там был перегорожен засеками; земляные работы заканчивались, а резервы подтягивались и готовились к бою.

Солдаты русские не только отступили с порушенного редута, площадка перед которым была буквально перепажена ядрами, в полном порядке, но и сумели отбить у французов несколько артиллерийских орудий. По окончании этого жаркого дела, где участвовали двадцать семь дивизий армии Багратиона – гренадеры, егеря, кирасиры, драгуны, – на земле остались лежать убитыми и ранеными около шести тысяч солдат.

На следующий день фельдмаршал Кутузов издал приказ по армии. В нем говорилось, что «горячее дело, происходящее вчерашнего числа на левом фланге, кончилось ко славе российского войска...»

Под утро французы заняли Шевардино.

В палатку к Наполеону с радостным известием о взятии редута поспешил расфранченный по сему случаю дежурный генерал Коленкур.

– Где пленные? – спросил его в упор император, насупив брови и по привычке заложив руки за спину.

– Сию минуту, ваше величество, – Коленкур подобострастно улыбнулся и приказал адъютанту ввести раненного в голову русского офицера Булычева. – Дрался, как лев, – отрекомендовал его генерал.

– О, это я люблю, – лукаво ухмыльнулся император. – Смелость украшает воина! – и тут он как бы невзначай обратил внимание на то, что офицер без шпаги. – Ай-яй-яй! Что я вижу! Вас обезоружили в бою?

– Нет, – ответил офицер. – Оружие взяли, когда я потерял сознание...

– О, сударь, я понимаю вас. Я слишком почитаю отвагу, потерпевшую неудачу, чтобы лишиться себя удовольствия возвратить вам оружие храбреца. – Бонапарт театральным жестом предложил ему свою шпагу.

– Благодарю вас, – ответил Булычев, попятившись назад.

– Позаботьтесь обо всех взятых в плен! – наказал Наполеон адъютанту. – К противнику надлежит отнестись с подобающим уважением.

Булычев доставил императору удовлетворение.

– Сколько всего пленных?

– Пятнадцать человек, ваше величество, – растерянно ответил генерал.

– Так мало... – Наполеон поморщился и с негодованием отвернулся от него. – Да, мы выиграем сражение. Да, русские будут разбиты, но дело не будет завершено, если у меня не окажется пленных...

Итак, после боя у Шевардина, разыгравшегося 24 августа 1812 года, французская армия облегла Бородино громадной темной наволочной тучей. Вблизи Можайска, в ста с лишним верстах к западу от Москвы, лицом к лицу с грозным врагом стали русские войска с твердой решимостью умереть, но не пропустить французов в первопрестольную златоглавую столицу.

Правый фланг русских войск под командованием генерала Барклая-де-Толли располагался по холмистому восточному берегу Колочи.

В центре стояли войска генерала Дохтурова, отличившегося при обороне Смоленска. Здесь, между Бородиным и Семеновским, было построено крупное курганное укрепление – монет, рассчитанное на восемнадцать орудий. Впоследствии оно получило название курганной батареи генерала Раевского.

Правый фланг и центр прикрывали основное стратегическое направление на Москву – Новую Смоленскую дорогу.

На левом фланге, более пологом и потому менее защищенном, размещались войска князя Багратиона. Здесь, на месте порушенной деревни Семеновской, соорудили специальные земляные укрепления – флешы; здесь стояла двадцатичетырехлинейная батарея. По окончании битвы эти укрепления снискали себе неувядаемую славу, их нарекли – Багратионовы флешы.

Главная квартира находилась в селе Татаринове.

Командовал всеми войсками светлейший князь Кутузов-Смоленский. При нем состояли: пресловутый помощник, «господин без отечества» барон Беннигсен; начальник штаба 1-й армии, проницательный и умудренный боевым опытом генерал Ермолов; видный стратег, генерал-квартирмейстер Толь. Артиллерию 1-й армии возглавлял генерал Кутайсов. Готовясь к генеральному сражению, фельдмаршал «приводил войско в уверенность и полную надежду дать отпор врагам своим».

Получив известие от маршала Нея, что русские остановились на месте и укрепляются, Наполеон несказанно обрадовался.

– Все ж таки предстоит генеральная битва! Исход ее для меня ясен! Эта старая лисица Севера – Кутузов будет наконец-то разбит! – воскликнул он, обращаясь к своим приближенным. – Лошадь! Мою лошадь! Пора отворять ворота Москвы, – и поскакал к Шевардину.

– Я бы очень хотел доказать Наполеону, что на сей раз он ошибся, – усмехнувшись, молвил светлейший князь Кутузов, когда ему донесли слова французского императора.

Наполеон издал приказ по армии: «Воины! Ваши желания исполняются! Мы приближаемся к решительной битве. Скоро вы пожнете новые лавры! Император полагается на вас как на гранитную скалу... Он с вами, и успех вне сомнения. Готовьтесь! Да здравствует император!»

Вечером, перед генеральным сражением, офицеры читали солдатам напутственную речь Бонапарта:

«Воины!

Вот битва, которой вы так ждали. Победа зависит от вас, она необходима для нас. Она доставит нам все самое нужное – обильные припасы, удобные зимние квартиры, богатства и скорое возвращение в родное Отечество... Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвой...»

– Виват император! – ликовали солдаты. – Мы взяли Вену, Берлин, Мадрид, Рим, Неаполь... Возьмем и Москву! Виват император!

А повелитель великой армии, где смешались почти все народы Европы: французы, немцы, итальянцы, поляки, – был возбужден и непредсказуем: то молчалив, суров и задумчив, то вспыльчив, непоседлив и говорлив... Увидев, как драгуны цепочкой спустились по полому берегу к воде поить коней, он поинтересовался:

– Что за река?

– Москва-река, ваше величество, – ответил ему офицер.

– По имени этой реки мы назовем нашу победу.

– Виват император! – грянуло в ответ.

Наполеон был в сюртуке мышинного цвета, белых пикейных штанах и треуголке, надвинутой на глаза. Весь день 25 августа он провел на статном арабском красавце-коне, осматривал поле сражения. Главный удар он решил нанести в промежутке между Новой и Старой Смоленскими дорогами, против нашего левого крыла. В центре – действовать оборонительно; за правым же крылом наблюдать только легкими войсками.

... Ясно и зябко было кругом. Лист не шелохнет. Объезжая войска на дрожках, Кутузов в сопровождении малой свиты поднимал над головой белую кавалерийскую фуражку с красным околышем. Обнажив седовласую голову с высоким сократовским лбом, он приветствовал и ободрял солдат:

– Не увлекайтесь шибко стрельбой. Смело идите на неприятеля, – советовал полководец. – Помните завет Суворова: «Пуля – дура; штык – молодец!».

Остановившись перед полком пехоты, князь сказал:

– Братцы! Вам придется защищать Землю русскую! Послужить ей верой и правдой до последней капли крови. Каждый полк будет употреблен в дело. Вас будут сменять, как часовых, через каждые два часа. Здесь решится судьба сражения. Надеюсь на вас! Благословляю вас! – главнокомандующий ободряюще кивнул пехотинцам и тронул коня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.